

Е.Н. Опочинин

Александр Петрович Милюков и его вторники

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/zolot/opochinin_milukov.html

Вторник, около восьми часов вечера извозчик мой останавливается у подъезда довольно большого дома в половине Офицерской улицы. По тускло освещенной, но опрятной лестнице поднимаюсь во второй этаж и дергаю деревянную ручку звонка. Жидкий дребезжащий звон раздается за обитой дверью, она отворяется. Меня встречает скромная прислуга. Освободясь от верхнего платья, вхожу в двери направо из маленькой прихожей и сразу попадаю в обстановку 1840-х годов: крутобокие диванчики фасонов Гамиса или Тура, обитые зеленым репсом, такие же драпировки на дверях и окнах придают мрачный вид небольшому кабинету при тусклом свете керосиновой лампы-бра на стене и другой, стоящей на столике за старомодным трельяжем и дающей весьма умеренный свет сквозь молочно-белое стекло шаровидного абажура. В комнате стоит характерный сладковатый запах жуковского табаку.

А вот и сам хозяин этого жилья Александр Петрович Милюков. Это маленький, худенький старичок в какой-то темной раскрылившейся визиточке и совсем старомодных светло-серых брюках. Голый череп, лишь на затылке и на висках обрамленный седыми волосиками, кустистые седые брови, из-под которых смотрят небольшие, но живые глаза; густые, совершенно белые усы и все сморщившееся личико красноречиво говорят, что на плечах Александра Петровича почитет много десятков лет. В качестве подробности, дорисовывающей эту типичную фигурку сороковых годов, в руках его трубка с аршинным черешневым чубуком. Он попыхивает ею, характерно согнутым указательным пальцем придерживая чубук, и синий дымок поднимается вверх и плавает в комнате.

Несмотря на тусклый свет керосиновых ламп в комнате как-то уютно и тепло, а радушный прием хозяина делает еще более привлекательным это скромное жилье. Тут уже есть несколько посетителей из числа постоянных гостей милюковских вторников: прислонившись спиной к печи, стоит маститый старец с серьезным и строгим лицом, обрамленным густой седой бородой, с зоркими, глубоко сидящими карими глазами. Это Николай Николаевич Страхов, известный философ и критик, биограф и панегирист Федора Михайловича Достоевского, автор только что вышедшей и уже запрещенной книги "Борьба с Западом".

На диванчике у трельяжа поместился массивный господин с большими рыжими усами и бакенбардами, грубоватыми чертами лица и выпуклыми рачьими, неопределенного цвета глазами - Федор Николаевич Берг, считающийся справедливо лучшим переводчиком "Романсеро" Гейне. Но это в далеком прошлом, еще в шестидесятых годах. Ныне же он аспирант на издательство и редакторство "Русского вестника", покупаемого им у семьи Катковых.

По комнате расхаживает, подергивая плечами и головой, пограничник в форменном сюртуке. Он гладко выбрит. Но густые военные усы его что-то подозрительно слишком черны. Это В.В. Крестовский, автор "Панургова стада", "Кровавого пуфа" и еще более знаменитых "Петербургских трущоб", ныне (в восьмидесятых годах) сооружающий серию юдофобских романов с "Тамарой Бендавид" во главе.

В уголке, около печки на стульчике, скромно приютился лауреат Фребелевского общества, автор сказки о "Пчеле-мохнатке" Василий Петрович Авенариус.

Александр Петрович, дрожащими узловатыми пальцами оправляя в своей трубке жуков табачок, сиплым, старческим тенорком повествует одну из своих забавных историй давнего времени.

- Да, - говорит он, - жалуются теперь на цензуру, говорят, дышать не дают - и все пустяки. С осторожностью и умом обо всем говорить можно. А вот прежде было не то. Был, например, цензор граф Мусин-Пушкин. Злополучные авторы должны были являться с своими произведениями к нему на квартиру и читать ему их вслух. При этом автору не предлагалось сесть, он стоял навытяжку, а свирепый цензор восседал на мягком диване с трубкой в зубах. Вот однажды пришел на подобное испытание некий поэт, который по знаку цензурного владыки и приступил к чтению своего произведения, какой-то пространной поэмы. На беду, она начиналась с повествования о том, как какой-то казак едет к себе на родину, в Малороссию. "Стой, - замахал чубуком Мусин-Пушкин на автора. - Больше ни слова. Казак едет в Малороссию... Зачем? Конечно, бунтовать. Ступай, братец, вон, не пропущу я твою поэму". Так злосчастное произведение и не увидело света... А вот еще был случай с приятелем моим Яковом Петровичем Бутковым (времена "Библиотеки для чтения" и "Современника"). Написал он рассказ о двух